

Алина ЗАХАРОВА

ДЖЕК ЛОНДОН И ЗЕЛЕНый ЗМИЙ:
ПОВЕСТЬ «ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО» (1913)
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ
ДВИЖЕНИЯ ЗА ТРЕЗВОСТЬ

Аннотация: Повесть Джека Лондона «Джон Ячменное Зерно» (1913) анализируется в контексте литературы Движения за трезвость, рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование замысла произведения. На материале трезвеннической пропагандистской визуальной и литературной продукции и, в первую очередь, публицистических и художественных жанров выделяется и описывается трезвенническая топика и дается анализ того, как Лондон использует готовые литературные формы, конвенции и клише, видоизменяя их в своих целях; показывается, как инновации Лондона и переосмысление трезвеннического канона обуславливают появление уникального, самобытного и сложного авторского произведения, смысл и ценность которого не сводится к прагматике трезвеннической пропаганды.

Ключевые слова: Джек Лондон, «Джон Ячменное Зерно», Движение за трезвость, трезвенническая литература, топика, У. Уитмен, Ч. Лэм

© 2018 Алина Петровна Захарова (магистр филологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова) alinazweene@yandex.ru

Alina ZAKHAROVA

JACK LONDON AND THE DEMON ALCOHOL:
JOHN BARLEYCORN (1913) AND THE TEMPERANCE
LITERATURE

Abstract: The paper strives to reveal the background of Jack London's novel *John Barleycorn* (1913) which is analyzed in the context of Temperance Movement and the topoi that are typical for its visual propaganda and literature. Jack London used the conventions and clichés typical for Temperance literature, changing them, however, renewing Temperance rhetoric and introducing innovations that allowed the writer to break the limits of the canon and to create a unique, complex, and original work, its literary form and message going far beyond the Temperance agenda.

Keywords: Jack London, *John Barleycorn*, Temperance Movement, Temperance literature, topoi, Walt Whitman, Charles Lamb

© 2018 Alina P. Zakharova (M.A. in Philology; M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia) alinazweene@yandex.ru

Одна из поздних работ Джека Лондона, квази-автобиографическая повесть «Джон Ячменное Зерно» (1913), может быть встроена в контекст пропагандистской литературы Движения за трезвость. Отдельных больших исследований, детально разбирающих черты повести Лондона, общие с трезвеннической литературой, нет, однако есть несколько статей, посвященных анализу «алкогольных мотивов повести», как, например, статья Г. Пула «Пьяная Шехерезада: самоанализ в произведениях Джека Лондона “Дорога”, “Мартен Иден”, “Джон Ячменное Зерно”»¹, рассматривающая, в числе прочего, взаимоотношения героя и алкоголя.

Встраиванием повести Джека Лондона в социокультурный и литературный трезвеннический контекст занимался Дж. Кроули, автор монографии «Белая Логика: Алкоголизм и гендер в американской художественной литературе модернизма»². Повесть Лондона также упоминается в сборнике статей «Змей в бокале»³, посвященном жанру трезвеннических автобиографий, в который входит и статья Дж. Кроули «Рабы бутылки» (“Slaves to the Bottle”). В обеих своих работах Дж. Кроули повторяет мысль о том, что повесть Джека Лондона разительно отличалась от произведений викторианской трезвеннической традиции за счет некоторых новаторских идей из области психоанализа и социологии. Повесть Лондона помещается им скорее в контекст модернистской литературы, рассматривается как прообраз модернистского романа особого рода (“modernist drunk narrative”) и представляется предтечей произведений Хемингуэя «И восходит солнце» (1926) и Фицджеральда «Ночь нежна» (1934). Таким образом, «Джон Ячменное Зерно» описывается Дж. Кроули как переходный текст, связывающий викторианскую трезвенническую традицию и модернистский роман.

В этой статье мы, следуя другой логике, полностью сосредоточимся на предшествующей литературной традиции, тем более, что в повести просматривается целый комплекс готовых идей и приемов, позаимствованный Лондоном из трезвеннического дискурса. Но прежде чем описать черты повести, наличие которых позволяет встроить

¹ Poole, G. *The Drunken Scheherazade: Self-Reflection in Jack London's “The Road”, “Martin Eden” and “John Barleycorn”*. – Online at <http://www.aisna.net/rasal/rsal/1poole.pdf>.

² Crowley, J.W. *The White Logic: Alcoholism and Gender in American Modernist Fiction*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1994.

³ *Serpent in the Cup: Temperance in American Literature*, eds. D. Reynolds, D. Rosenthal. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1997.

текст Лондона в круг произведений трезвеннической литературы, попытаемся представить себе факторы, которые могли оказать влияние на формирование замысла произведения.

Вопрос о творческом замысле «Джона Ячменное Зерно» становится еще более любопытным, если представить себе масштаб популярности Джека Лондона на момент публикации повести. Уже написаны и изданы его наиболее известные произведения: северные рассказы, роман «Морской волк» (1904), повести «Зов предков» (1903), «Белый клык» (1906), «До Адама» (1907), сделавшие его одним из самых читаемых современных авторов. В представлении публики сложился и образ Лондона как «писателя с биографией», человека, в котором соединяются черты нищепанской «сильной личности», американского «творца своей судьбы» (self-made man) – и одновременно демократа, социалиста, левого активиста, защитника отверженных и угнетенных, который сам поднялся из низов. Образ сам по себе парадоксальный, к которому повесть о «Джоне Ячменное Зерно» добавила новые грани. В ней Джек Лондон, для которого не последнюю роль играли мотивы мужества, стойкости и силы человека, часто встречающиеся в его произведениях, открыто признается в своих слабостях, порицаемых социумом. Что это – смелость или же безрассудная самонадеянность писателя, публикацией этого произведения рискующего погубить свою литературную репутацию? Ведь в отличие от хромоты Байрона или алкогольных пристрастий Эдгара По, слабость Джека Лондона к спиртным напиткам не получила статус культурного феномена; более того, до выхода повести о ней вообще не было известно.

Приведем две основных версии, которые могут пролить свет на мотивацию писателя. Одна из них приводится в биографии Джека Лондона, написанной его старшей дочерью Джоан Лондон (1901-1971) «Джек Лондон и его времена. Нестандартная биография Джека Лондона» (1939); вторая версия основана на материале вступительной статьи Джона Сазерленда из Оксфордского издания повести «Джон Ячменное Зерно» (1989).

Джоан Лондон пишет о том, что примерно с 1910-х гг. в разговоре со своими ровесниками Джек Лондон называет свое поколение «старшим» (“we, oldsters”), начиная осознавать, что времена его молодости миновали. Вместе с этим осознанием завершения определенного жизненного этапа приходили мысли о прошлом и воспоминания, что подталкивало его к идее создания автобиографии. По словам Джоан, отец часто говорил им с сестрой: «...когда я наконец-то доберусь до написания автобиографии, я создам правдивую историю, но она не будет

приятной для чтения. Людям она не понравится, так как я собираюсь описать в ней все то, что случилось со мной, и высказать все, что я думаю»⁴. При этом Джоан обращает внимание читателя на то, что пока доходы Лондона целиком зависели от писательских гонораров, трудно было представить возможность появления такой книги. В 1911 г. Лондон говорил английскому издателю о своих планах создать автобиографию, однако на осуществление замысла, выработку подходящей манеры и формы повествования понадобилось еще целых два года. Джоан сообщает, что вдохновленный успехом «Джона Ячменное Зерно», Джек Лондон писал издателю о своих дальнейших планах:

Я также планировал создать еще две книги личных воспоминаний, и каждая из них заслуживает продолжения. Первая книга – мои собственные воспоминания о писательской профессии, с того момента, как началась вся игра, когда я начал заниматься самообразованием, – с одной стороны, очень похожая на воспоминания в «Джоне Ячменное Зерно», а, с другой, совершенно отличная по атмосфере. Вторая будет охватывать девять лет моего ученичества в качестве фермера и содержать рассказ о моих экспериментах, которые я сейчас провожу здесь, в Глен Эллен...⁵

Впоследствии, в самом начале 1914 г., Джек Лондон напишет Дж. Филипсу⁶, что в его планах числятся три новых романа, пробное название одного из которых – «Джейн Ячменное Зерно» (*Jane Barleycorn*), подруга Джона Ячменное Зерно⁷. Джоан добавляет, что основу этой книги, замысел которой Джек Лондон часто обсуждал со своими друзьями, должны были составить отношения писателя с женщинами. Однако ни одна из вышеупомянутых задумок так и не была реализована, и, по сути, «Джон Ячменное Зерно» остается единственным максимально близким к автобиографии произведением Лондона. Можно особо отметить, что и Джоан, и вторая жена Лондона Чармиан Лондон (1871-1955), которая также является автором биографии писателя⁸,

---

⁴ London, J. *Jack London and His Times: An Unconventional Biography*. New York: Doubleday, Doran & Co, 1939: 354.

⁵ Ibid: 356.

⁶ Джон Филипс (John Sanborn Phillips, 1861–1949) – редактор; принимал участие в основании журнала *McClure Magazine*, одного из главных органов движения разгребателей грязи..

⁷ London, J. *Jack London and His Times*: 356.

⁸ London, C.K. *The Book of Jack London*. New York: Century Co., 1921.

в своих книгах о нем часто ссылаются именно на этот текст и цитируют его. Биография, написанная Чармиан, гораздо сильнее привязана к тексту «Джона Ячменное Зерно»: кое-где присутствует пересказ некоторых эпизодов повести, порой отмеченный излишней сентиментальностью. Джоан, в отличие от Чармиан, не принимает за чистую монету все, описанное в повести; по ее мнению, «нужно иметь в виду, что детали, описанные в “Джоне Ячменное Зерно” в значительной мере подчинены теме»⁹, т.е. литературной и идейной задаче произведения. Но так или иначе, отсылки к «Джону Ячменное Зерно» – вещь, по-видимому, неизбежная в силу выраженного автобиографизма повести.

Неудовлетворенность Джека Лондона своими писательскими гонорарами – известный факт, отразившийся и в его художественном творчестве (например, в романе «Мартин Иден»). Для Лондона при создании произведения немаловажными факторами были количество слов и скорость написания. Автор вступительной статьи к Оксфордскому изданию повести «Джон Ячменное Зерно» 1989 г. Джон Сазерленд утверждает, что своим появлением повесть обязана договору 1912 г., заключенному Лондоном с “Cosmopolitan”. Согласно этому договору, плата за все художественные произведения была фиксированной. Вследствие этого возникала необходимость создания такого документально-художественного произведения (“non fiction novel”), которое стали бы так же жадно раскупать, как и его беллетристику: «Идея книги о Джеке Лондоне с демоном-ромом в качестве удильного крючка для публики в кругу сложившихся обстоятельств выглядела достаточно привлекательно»¹⁰. При этом Дж. Сазерленд допускает, что беременность Чармиан могла повлиять на Лондона и побудила его поддержать Движение за трезвость: стремясь оградить своего будущего сына от искушений, которым Джон Ячменное Зерно обязательно подверг бы его, писатель, «по-видимому, был готов принести в жертву свое доброе имя»¹¹.

Взгляды, выраженные Лондоном в его частной переписке, также могут свидетельствовать о его сочувствии целям Движения за трезвость. Во втором томе своей биографии Чармиан приводит письмо Джека Лондона, написанное д-ру Гейсвейту, пастору первой баптистской церкви в Сан-Диего, Калифорния:

---

⁹ London, J. *Jack London and His Times*: 44.

¹⁰ Sutherland, J. “Introduction.” London, J. *John Barleycorn: Alcoholic Memoirs*. Oxford: Oxford University Press, 1989: XXI.

¹¹ Ibid.

У меня не было никакого опыта в выращивании винограда. Виноградники, которые я приобрел, были старыми и истощенными, так что я выкорчевал их и засадил землю новыми семенами [...] Моя позиция относительно вопроса об употреблении алкоголя – абсолютно категорична, я за общенациональный запрет.[...] Лично я буду продолжать пить до тех пор, пока алкоголь будет общедоступным. Когда абсолютный запрет сделает алкоголь недоступным, то я брошу пить, и это не составит никакого труда ни мне, ни множеству таких же мужчин, как я, а имя нам легион. И поколение мальчишек, выросшее после нас, будет знать об алкоголе лишь то, что его употребление было одним из пороков их предков-дикарей¹².

Подтверждением этому служит фрагмент из беллетризированной биографии Лондона «Моряк в седле» (1938) И. Стоуна, в котором сообщается, что в 1911 г. Джек Лондон поехал в Глен Эллен «голосовать за запрещение продажи спиртных напитков в поселке, считая, что питейные заведения представляют собой угрозу для рабочих семей. Убедившись, что через несколько лет виноторговля будет запрещена в общегосударственном масштабе, и, узнав вдобавок, что почва под виноградниками слишком истощена, чтобы дать хороший урожай, он велел срыть лозы с участка в семьсот акров, удобрить землю и засадить ее эвкалиптовыми деревьями»¹³.

Можно предположить, что Джек Лондон, публикуя свое произведение, думал и о потенциальном положительном эффекте, который его повесть должна будет произвести в рядах «невоздержанных» читателей, – и констатировать успех этой задумки писателя. Через несколько лет после публикации произведение Джексона Лондона стало использоваться писателями и проповедниками Движения за трезвость как убедительный аргумент против злоупотребления алкоголем¹⁴. Два первых биографа Джексона Лондона Чармиан и Джоан Лондон также говорят о том, что сразу после своего появления повесть была взята на вооружение борцами за трезвость. Чармиан пишет, что в 1914 г. ходил слух, что сторонники введения сухого закона (“the Prohibitionists”) даже хотели выбрать Джексона Лондона своим президентом¹⁵. Джоан, в свою очередь, сообщает: «Все, кто боролся против продолжения торговли спиртными

¹² London, C. *The Book of Jack London*: 329.

¹³ Стоун И. Моряк в седле. М.: Книга, 1987. С. 281.

¹⁴ Yannella, P. *American Literature in Context 1865 to 1929*. Chichester; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011: 89.

¹⁵ London, C. *The Book of Jack London*: 288.

напитками, – министры, просветители, активисты Движения за трезвость, Женский христианский союз трезвости¹⁶ – рассматривали повесть как ключевой аргумент своей пропагандистской программы¹⁷. Ирвинг Стоун оценивает влияние повести на мнение общественности еще выше и пишет, что ее публикация была одной из основных причин принятия сухого закона в Америке в 1919 г.¹⁸

Действительно, если обратиться к периодике 1913-1914 гг., то можно увидеть множество рекламных объявлений в газетах разных штатов, приглашающих посмотреть театральную постановку по повести «Джон Ячменное Зерно»¹⁹, или обнаружить приглашение на показ фильма по повести, организованный по инициативе Женского христианского союза трезвости²⁰. Также в периодике немало положительных отзывов, где внимание читателя обращается на тот факт, что автором была рассказана правдивая история его собственной жизни, и что повесть наглядно демонстрирует, почему не стоит завязывать знакомство с Джоном Ячменное Зерно²¹. В одной из рецензий, напечатанных в газете “The Farmington Times” 8 мая 1913 г., говорится:

...повесть Джека Лондона, сейчас публикующаяся сериями в “Saturday Evening Post”, является одним из наиболее мощных аргументов против употребления крепких спиртных напитков, какие только были сделаны в литературной форме в течение длительного времени [...] Джек Лондон не придерживается какой то определенной точки зрения, моральной или религиозной, но рисует ужасные картины разрушительного действия алкоголя [...] Он не смягчает свои описания, но и не сгущает краски; он последовательно поддерживает идею о необходимости запрета алкоголя на законодательном уровне...²².

---

¹⁶ Woman’s Christian Temperance Union (WCTU)

¹⁷ London, J. *Jack London and His Times*: 358.

¹⁸ Стоун И. Моряк в седле. С. 278.

¹⁹ “Monday and Tuesday Jack London’s John Barleycorn.” *Alexandria Gazette* (1914. November, 28); “John Barleycorn Will Be Seen at The Ogden Theater Tonight and Saturday.” *The Ogden Standard* (1914. August, 21).

²⁰ “To Show ‘John Barleycorn.’ Moving Picture Will Be Given for Benefit of W.C.T.U.” *University Missourian* (1915. January, 10).

²¹ “Jack London’s John Barleycorn.” *The Pensacola Journal* (1914. December, 08).

²² Pipkin, M. “John Barleycorn.” *The Farmington Times* (1913. May, 08).

Как видно из периодики, словосочетание «Джон Ячменное Зерно» благодаря широкой популярности повести становится устойчивым обозначением алкоголя. В газетах также используются метафоры и речевые обороты, которые вполне могли быть позаимствованы из Лондона, что служит показателем прецедентности данного текста. Можно сравнить, например, два портрета Джона Ячменное Зерно – Джека Лондона и поэта Бертона Брайли (1882-1966), созданный им в год выхода повести Лондона (1913):

Джон Ячменное Зерно (Бертон Брайли)

Джон ждет вас за углом, стоит за поворотом,
Пророчит приключенья взамен земным заботам.
Он храбрых и галантных ведет с собой в могилу,
И медленно теряют мужчины жизни силу.
Со смехом или с песней к тебе он вновь спешит,
Утешит слабых он, а сильных рассмешит.
За радости оплату в любой момент возьмет -
На каждом перекрестке тебя, читатель, ждет*.

Джон Ячменное Зерно (Джек Лондон)

Джон Ячменное Зерно торчит на каждой улице, на каждом перекрестке. Он всегда доступен, находится под охраной закона, ему отдает честь поставой полисмен, не мешая звать прохожих и тащить в те места, где собираются славные, смелые люди и пьют мертвую [...] Романтике и приключениям всегда сопутствует бутылка. Ради первого и второго приучайся к третьему!» (64;38)**.

Справедливости ради надо сказать, что общественная реакция, вызванная публикацией повести, вполне соответствовала эффекту, производимому другими «продуктами пропаганды» Движения за трезвость, целью которого являлось ограничение употребления алкоголя, закрытие салунов и по возможности запрещение производства и продажи крепких алкогольных напитков. Корни этого общественного движения уходят в восемнадцатый век и связаны с культурным феноменом Второго Великого религиозного пробуждения (Second Great Awakening, 1790–1840). На ранних этапах развития Движения за трезвость основной движущей силой была религиозная мотивация (стремление очистить христианскую общину от пристрастия к алкоголю, который, без сомнения, являлся основной причиной социального неблагополучия); она переключалась с основными идеями движения социального евангелизма (Social Gospel).

* Braley, B. "John Barleycorn by Berton Braley." *The Day Book* (Apr. 29, 1913):12 (Подстрочник наш. – А.З.). См. также еще один пример использования повести Лондона как прецедентного текста: "The Hero of the Payroll." *The Day Book* (Nov. 24, 1913): 8.

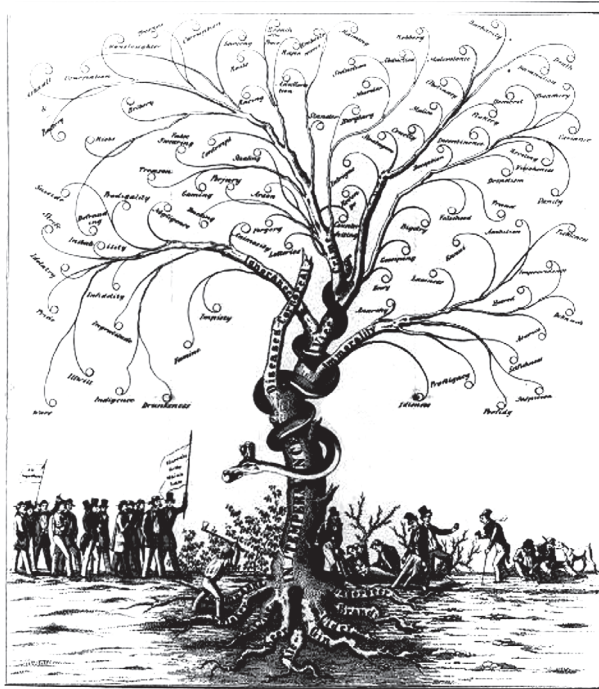
** .Здесь и далее везде повесть Джека Лондона цит. по изд.: *Лондон Дж. Джон Ячменное Зерно* / Пер. В. Лимановской // Лондон Дж. Собр. соч.: В 14 т. Т. 11. М.: Правда, 1961 с указанием страниц в скобках после цитаты.

Важно отметить, что во время появления повести Лондона пропагандистский трезвеннический канон переживал процесс трансформации. Для ранних этапов пропаганды «воздержанности» внутри религиозных общин было характерно обилие библейских цитат и аллюзий (см. илл. 1). С появлением Вашингтонского движения, которое, подстраиваясь под социальные изменения, переориентировалось на новые идеи и дух времени, ссылки на Библию постепенно вытесняются набором аргументов медицинского, экономического, социального характера.

В ранней пропагандистской трезвеннической традиции широко бытует топика, которую можно обозначить формулой «алкоголь = дьявол / смерть». Например, было принято изображать появление пагубной привычки в виде аллегорической сцены проникновения Змея-Сатаны в Эдем (см. илл. 2: древо невоздержанности, которое

TREE OF INTEMPERANCE

BY A. D. FILLMORE.

Entered according to Act of Congress in the year 1855 by A. D. Fillmore in the Clerk's Office for the District Court of Ohio

Илл. 2. А.Д. Филмор. Древо невоздержанности (A.D. Fillmore. Tree of Intemperance. 1855)

обвивает змей-алкоголь).. Для темы алкогольной зависимости могли использоваться демонические образы, а сам алкоголь объявлялся изобретением дьявола.

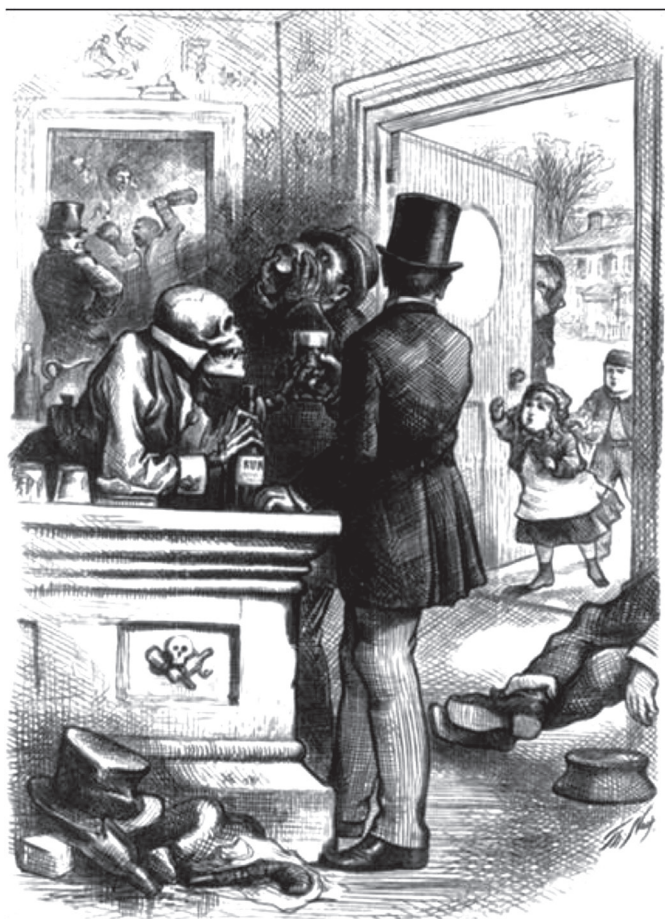
Представление об алкоголе как о «дьявольском пойле» также является вполне конвенциональным для риторики Движения за трезвость. Яркой иллюстрацией может послужить один из наиболее известных образчиков трезвеннической литературы – сборник рассказов Дж.Б. Чивера «Мечта, или подлинная история винокурни дьякона Джайлза и пивоварни дьякона Джонса, рассказанная в назидание потомству» (Cheever, George B. *The Dream, or, The True History of Deacon Giles's Distillery, and Deacon Jones' Brewery, Reported for the Benefit of Posterity*, 1848): дьявольские силы оказываются непосредственно причастны к созданию алкогольных напитков, и загадочный персонаж, за чьим образом угадывается фигура самого дьявола, напрямую говорит дьякону Джонсу, что тот занимается «его делом».

Устойчивой также была мысль о том, что алкоголь связан со смертью. В пропагандистской традиции существовали разные варианты воплощения этой идеи, также использующие библейские мотивы (см. илл. 3). В более поздних версиях бытует секуляризированный

Илл. 3. Джордж Круикшанк. Алкоголь, смерть и дьявол.
(John Cruikshank. *Alcohol, Death and Devil*. 1830).

вариант топоса: например, вместо пары «алкоголь и дьявол» или аллегорической фигуры смерти изображался бармен/держатель салуна (см. илл.4). Утверждение в повести Лондона, что знакомство с Джоном Ячменное Зерно ведет к смерти (6) – топос, характерный для трезвеннической пропагандистской традиции; однако под пером Джека Лондона это общее место соединяется с мотивом мужественности: Джон Ячменное Зерно забирает «...хороших, ценных людей, чьи недостатки проистекают от их достоинств - от чрезмерной силы, от чрезмерной храбрости, от душевного огня и благородной отваги...» (64). Связь алкоголизма и мужского обычая угощать товарищей тоже принадлежит

Илл. 4. Томас Наст. Губительный бар.
(Thomas Nast. *The Bar of Destruction*, 1874)

к набору топосов (см. илл.5): она бытовала в трезвенническом дискурсе и также использовалась Лондоном для создания некоторых эпизодов повести (49;167).

Илл. 5. Натаниэль Курье. Приглашение выпить (Nathaniel Currier. The Invitation to Drink, 1841)

**AT LEAST
14,411 SUICIDES
IN TEN YEARS
1901-1910
To Whose Deaths
Alcohol Contributed**

**Black Gravestones Represent the
Percentage (23%) of Suicides of
which Drink is Estimated
One Cause**

Percentage estimated by E. F. Phelps. Mortality of Alcohol, 1911.

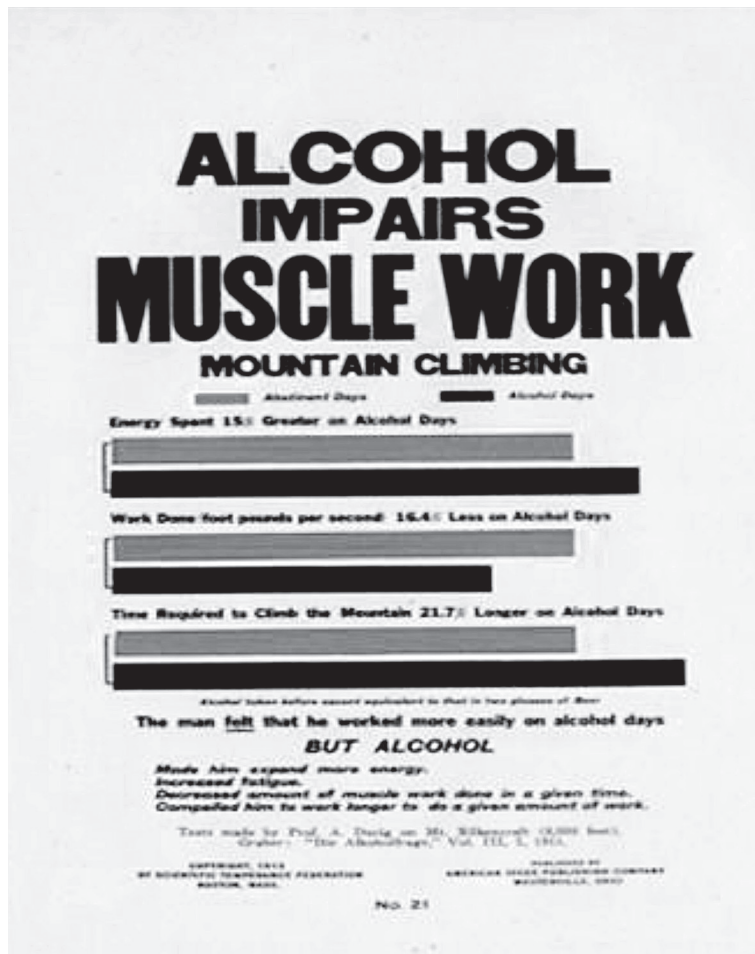
CONTAINED IN
BY SUICIDE PREVENTION FEDERATION
BOSTON, MASS.

FORWARDED BY
AMERICAN DISTILLERS ASSOCIATION
BOSTON, MASS.

NO. 42

Илл.6. Алкоголь спровоцировал по крайней мере 14 411 самоубийств за десять лет, 1901-1910. Листовка. (1913)

С идеей взаимосвязи алкоголизма и безвременной смерти соседствует мысль о том, что чрезмерное употребление крепких спиртных напитков может подтолкнуть человека к самоубийству (см. илл.6) – этот тезис также можно найти в повести Лондона (60-61).

Илл. 7. Алкоголь наносит ущерб работе мускулов. Плакат Научной Трезвеннической федерации. (1913)

Текст на плакате:

The man felt that he worked more easily on alcohol days. But Alcohol:

Made him expend more energy

Increased fatigue

Decreased amount of muscle work done in a given time

Compelled him to work longer to do a given amount of work

Активистами Движения за трезвость давно был подмечен физиологический вред, наносимый алкоголем (см. илл. 7), что, в свою очередь, отразилось и в тексте повести Лондона (147). Часто встречалась мысль о том, что помимо пагубного физического воздействия, алкоголь

Илл. 8. Джон Коз. Алкоголь ведет к безумию
(John Caws. *Drinking Makes Us Mad*. 1810)

может влиять на психику, провоцировать безумие (см. илл. 8), о чем также говорится в «Джоне Ячменное Зерно» (77). Топика, которую мы условно обозначим как «медицинская и социальная», к началу XX в. постепенно начинает доминировать, освобождаясь от слишком тесной связи с библейской риторикой трезвенничества, сохраняя лишь отдаленные реминисценции, переключки. Если, например, сравнить описание физических страданий, причиненных алкоголем герою Джека Лондона, с типичным для трезвеннической пропаганды текстом баннера, помещенного в «колонке трезвости» в газете “Sun” шт. Луизиана (3.12.1898 г.), то можно увидеть, что устойчивые, восходящие к библейской образности метафоры, использованные для пропаганды в баннере, переключаются с описаниями из повести Джека Лондона, которые уже лишены прямых аллюзий к Библии:

Баннер	Текст Джека Лондона
Спаси нас от пламени Молоха! (“Save from Moloch’s fire!”)	нутро мое горело адским пламенем (69) (“burning alive internally”)
Сокруши это железное ярмо навсегда! Сделай и нас свободными! (“Break his iron yoke forever! Let us, too, be free”!)	Джон Ячменное Зерно вцепился мне в горло мертвой хваткой (69) (“John Barleycorn had me by the throat in a death-clutch”)

В рамках трезвеннической пропаганды широко использовался тезис о том, что алкоголь ведет за собой целый ряд пороков и толкает человека на преступления: грабеж, домашнее насилие, и наконец, убийство. Эта идея, в свою очередь, также была использована Дж. Лондоном для построения идеологической платформы повести (72).

Еще одной распространенной идеей, во многом за счет активной деятельности сторонников Вашингтонского движения, становится необходимость полного запрета на алкоголь, поскольку доступность спиртного является главной причиной алкоголизма; с этим соглашался и Джек Лондон, который начинает свою повесть с утверждения, что для обуздания Джона Ячменное Зерно необходим «сухой закон».

Литературная традиция Движения за трезвость оформляется в начале XIX в. В ней сложился определенный набор жанров, выработались свои конвенции и каноны, нацеленные на достижение максимальной эффективности пропаганды. Помимо вышеперечисленной топики, в трезвеннической литературе, особенно в публицистических жанрах, присутствует система убеждения читателя, использующая аргументацию разного типа. «Экономические» аргументы были призваны воз-

действовать на чувство бережливости читателя и показывать иррациональность траты денег на алкоголь. В трактате «Как заработать деньги: лучший способ» (“A Way to Make Money in a Better Way”, 1900-е гг.)²⁵ приводится таблица с расчетами, сколько денег можно сэкономить, если совсем не употреблять алкоголя; в трактате «Стоимость пива» (“The Cost of Beer”, 1880 г.)²⁶ подсчитываются стоимость производства годового запаса пива, прибыль продавцов и убытки населения, приобретающего этот напиток.

«Социологическая» аргументация должна была наглядно демонстрировать десоциализацию пьяниц и выигрышность трезвости как эффективной социальной модели. Например, в трактате «Употребление алкоголя провоцирует несчастные случаи на производстве» (“Drink Makes One More Liable to Accident”, 1913)²⁷ подчеркивалось, что у трезвого рабочего больше шансов получить место, что он защищен от несчастных случаев на производстве. Этот тип аргументации, рассчитанный на здравомыслящих и честолюбивых читателей, превалирует и в трактате «Алкоголь: Практичные факты для практичных людей» (Alcohol: Practical Facts for Practical People, 1900-е гг.)²⁸. Существовали также трактаты и прокламации, построенные преимущественно на «медицинской» аргументации и описывавшие неблагоприятное физиологическое воздействие алкоголя, дегенерацию как результат злоупотребления спиртным: «Алкоголизм и вырождение» (Alcoholism and Degeneracy, 1913)²⁹; «Ежедневное употребление алкоголя ухудшает память» (Daily Drinking Impaired Memory, 1913)³⁰; «Увеличение рождае-

---

²⁵ *Way to Make Money and a Better Way*. Westerville, OH: American Anti-Saloon League Press Bureau, 1900-s. Online at <https://library.brown.edu/cds/catalog/catalog.php?verb=render&colid=7&id=1079633221661375&view=showmods>.

²⁶ *The Cost of Beer*. New York: National Temperance Society and Publication House, 1880. Online at <https://library.brown.edu/cds/catalog/catalog.php?verb=render&id=109224270952750&colid=7>.

²⁷ *Drink Makes One More Liable to Accident*. Boston, MA.: Scientific Temperance Federation, 1913. Online at <https://library.brown.edu/cds/catalog/catalog.php?verb=render&id=1096894184227250&colid=7>.

²⁸ *Alcohol: Practical Facts for Practical People*. Boston, MA.: Scientific Temperance Federation, 1900-s. – URL:<https://library.brown.edu/cds/catalog/catalog.php?verb=render&id=1079634272380125&colid=7>.

²⁹ *Alcoholism and Degeneracy*. Westerville, OH: Scientific Temperance Federation and American Issue Publishing Company, 1913. Online at <https://library.brown.edu/cds/catalog/catalog.php?verb=render&colid=7&id=1082645096796875&view=showmods>.

³⁰ *Daily Drinking Impaired Memory*. Westerville, OH: Scientific Temperance Federation and American Issue Publishing Company, 1913. Online at <https://library.brown.edu/cds/catalog/catalog.php?verb=render&id=1082641448500000&colid=7>.

мости умственно отсталых детей из-за алкоголизма отцов» (*Defective Children Increased with Alcoholization of Fathers, 1913*)³¹.

К беллетристическим и художественно-документальным жанрам трезвеннической литературы принадлежат стихи, гимны, рассказы, новеллы, романы (“*temperance novel*”), автобиографии, а также драматические произведения. К началу т.н. «американского ренессанса» (*American Renaissance*) 1835 – 1860 гг. можно говорить уже не только об устоявшейся системе трезвеннических художественных жанров, но и о начале литературной полемики, связанной с Движением за трезвость. С этого времени, всю трезвенническую литературу условно можно разделить на два типа: «традиционную» (*conventional*) и «сенсационную» (*Dark Temperance*)³².

Традиционную трезвенническую литературу отличает выраженный дидактизм и морализаторство; ее легко узнать по назидательным историям о жертвах алкоголя, сначала поддавшихся «невоздержанности», а затем переживших нравственное и социальное «воскрешение». Акцент в этом случае ставится на плодах вновь обретенной добродетели, а не на пороках, сопутствующих алкоголизму. Здесь налицо прямая связь с традицией протестантской трезвеннической пропаганды 1820-х гг., которая никак не предполагала установки на сенсационность³³. В качестве образцов данного литературного направления можно назвать, например, пьесу «Пьяница или Спасение падшего» В.Г. Смита (*Smith, W. H. The Drunkard: Or, The Fallen Saved, 1844*) и два «бестселлера» традиционной литературы за трезвость – романы Тимоти Ш. Артура «Десять ночей в баре: что я там видел» (*Ten Nights in a Bar-room and What I Saw There, 1854*) и вышеупомянутую книгу Дж.Б. Чивера.

«Сенсационная» антиалкогольная литература использует конвенции и штампы поэтики тайн и ужасов в духе готики и романтизма; это направление возникло благодаря Вашингтонскому движению, активно действовавшему среди низших классов общества. Способы про-

³¹ *Defective Children Increased with Alcoholization of Fathers*. Westerville, OH: Scientific Temperance Federation and American Issue Publishing Company, 1913. Online at <https://library.brown.edu/cds/catalog/catalog.php?verb=render&id=108264496331250&colid=7>.

³² Термин «сенсационная литература Движения за трезвость» был выбран нам как наиболее подходящий для описания эффекта, производимого литературой такого сорта, где вместо дидактических элементов акцент делается на описаниях патологического поведения пьяниц, деформации их психики и их преступлениях.

³³ *Serpent in the Cup*: 22.

паганды, переориентированные со среднего класса на рабочих, заметно упростились, радикализировались. Приверженцы Вашингтонского движения уже не боялись гнаться за сенсационностью, а издатели, быстро распознавшие, каким спросом пользуются рассказы об ужасах алкоголизма, охотно выпускали литературу такого типа, которая, впрочем, служила не столько пропаганде трезвости, сколько коммерческой выгоде. Приемы сенсационной трезвеннической литературы использовались и крупными авторами («Франклин Эванс» У. Уитмена; «Черный кот» и «Бочонок Амонтильядо» Э. По).

Наиболее близкими жанрами трезвеннической литературы к повести Джека Лондона с ее синтезом автобиографического материала и элементов художественного вымысла являются исповеди и автобиографий пьяниц. Самые известные образчики этого широко распространенного типа повествования – «Откровения пьяницы» (*Confessions of a Drunkard*, 1813) Чарльза Лэма и «Франклин Эванс или Пьяница: история нашего времени» (*Franklin Evans or The Inebriate: A Tale of the Times*, 1842) У. Уитмена, который, подобно первому изданию «Джона Ячменное Зерно», выходил сериями³⁴. Выше говорилось о возможных мотивах, которые могли побудить Джека Лондона к созданию повести, в том числе и о его материальных интересах. Похожая версия приводится и для романа Уитмена. Существует анекдот, что после выхода «Франклина Эванса» Уитмен шутил, что создал это произведение, так как нуждался в средствах, и написано оно было в состоянии алкогольного опьянения за удивительно короткий срок – в три дня³⁵.

Помимо «Франклина Эванса» у Уитмена есть и другие произведения, относящиеся к жанру трезвеннической литературы, например, «Дитя и развратник» (*The Child and the Profligate*, 1844), «Возвращение дикого Фрэнка» (*Wild Frank's Return*, 1841), которые он так же, как и «Франклина Эванса», писал на заказ. Так, к примеру, согласно одной из версий³⁶, «Франклин Эванс», был создан по заказу двух сторонников Движения за трезвость – Парка Бенджамина и Джеймса Олдрича³⁷. Если для Джека Лондона опыт обра-

---

³⁴ Роман выходил в газете *New World* (Nov. 1-31, 1842).

³⁵ *Serpenat in the Cup*: 50.

³⁶ Lulloff, W. *Franklin Evans; or The Inebriate*. Online at http://www.whitmanarchive.org/criticism/current/encyclopedia/entry_81.html.

³⁷ Парк Бенджамин-старший (Park Benjamin Sr., 1809-1864) – американский поэт, журналист, редактор. Принимал участие в создании газеты *New World*. Джеймс Олдрич (James Aldrich, 1810–1856) – американский поэт, редактор, в 1842–1844 гг. работал редактором в *New World*.

шения к трезвеннической литературе был единичным фактом, то для Уитмена это было регулярной практикой. Подобные сочинения, предназначенные для широкой публики, могли служить поэту полигоном для создания различных образов и формирования особенностей стиля, которые впоследствии проявятся в его поэтических произведениях³⁸.

Все три произведения – Лондона, Уитмена, Лэма – во многом построены на топике, позаимствованной из общего дискурса Движения за трезвость. Можно сказать даже, что Лондон, который наверняка был знаком с обеими трезвенническими автобиографиями, мог использовать некоторые характерные приметы этого жанра для придания своему произведению формального сходства с каноническими образцами трезвеннической литературы. Однако в сравнении с этими двумя трезвенническими романами-автобиографиями пьяниц, принадлежащими двум разным типам трезвеннической литературы, в повести Лондона заметны и отличительные черты, выделяющие его произведение из общего ряда антиалкогольной литературы.

Общие особенности этих произведений продиктованы жанровым каноном: это форма повествования (от первого лица) и исповедальность. Во всех трех произведениях присутствует элемент дидактики (нередко это прямое обращение к читателю) и типичная аргументация, в первую очередь «медицинская»: в качестве довода в пользу отказа от алкоголя приводятся описания физических страданий героев (синдром похмелья, хронические недуги и т.п.). Так, например, у Уитмена описываются ощущения героя после его первого знакомства с алкоголем: «Мысли, возникшие у меня в голове на следующее утро, отнюдь не привлекали меня, мне не хотелось задержаться и поразмышлять о них подольше. Я с трудом сознаюсь, что стыд и угрызения совести едва ли могли сравниться с тяжелой болью, которая чувствовалась во всем теле»³⁹.

Но если у Уитмена на первом плане физические страдания героя, а не страдания душевные, то у Лэма и Лондона внимание читателя заостряется и на психологических аспектах алкогольной зависимости. Так, например, у Лэма повествователь рассказывает о том, что со временем алкоголь начинает провоцировать вспышки безумия, которые все реже и реже сменяются минутами просветления. У Джека Лондона на этом аспекте сделан

³⁸ *Serpent in the Cup*: 48.

³⁹ Whitman, W. *Franklin Evans or the Inebriate. A Tale of the Times*. New York: Doubleday, Page, 1921: 60.

особый акцент: посредством аллегорического персонажа (Белая Логика) Лондон создает ужасающие описания ментальной болезни, сопровождающей каждого наделенного живым воображением человека, злоупотребляющего алкоголем. Стоит сказать также, что все трое авторов сходятся на мысли о том, что тяга к алкоголю, как правило, является психологической зависимостью, а не результатом плохой наследственности.

Упомянутые произведения Уитмена написаны в духе идеологии Вашингтонского Движения за трезвость. В частности, именно этим может быть объяснена пропаганда полного воздержания от алкоголя, ясно прочитываемая в тексте Уитмена. В повести Лондона мы встречаем точно такой же призыв – полный запрет на алкоголь, закрепленный законодательно в общенациональном масштабе. Этот лозунг у Лондона также можно рассматривать как заимствование основной идеи Вашингтонского общества, активно проводившего агитационную политику полного отказа от алкоголя, хотя, разумеется, идея о том, что единственным вариантом борьбы с алкоголизмом является полное воздержание, была известна еще до Вашингтонского движения, возникшего в 1840-е гг. Так, например, у Чарльза Лэма в «Откровениях пьяницы», появившемся почти за 30 лет до «Франклина Эванса», уже присутствует идея полного воздержания: «Неужели нет никакого пути, проходящего между полным воздержанием и смертельной дозой алкоголя? Ради твоего же блага, читатель, чтобы ты смог избежать моего опыта, я должен произнести ужасные слова правды – нет такого пути, мне не удалось его обнаружить ...»⁴⁰. Однако в произведениях Лондона и Уитмена этот топос выглядит иначе – гораздо более радикально и бескомпромиссно.

Обыгрывая существующий литературный канон, Лондон создает образ повествователя, который то сближается с традиционным рассказчиком «исповеди пьяницы», то, напротив, дистанцируется от него: «Конечно, автобиографическая повесть не может считаться законченной, если историю героя не довели до конца. Увы! Моя исповедь – не исповедь исправившегося алкоголика. Кстати, я и не был алкоголиком, стало быть, мне нечего исправляться» (106).

Здесь Джек Лондон ведет сложную двойную игру: с одной стороны, он специально вводит в текст словосочетание «исправившийся алкоголик» (“reformed drunkard”), чтобы вызвать у читателя соответствующие ассоциации с трезвеннической топикой, а с другой – тут же

---

⁴⁰ Lamb, C. *Confessions of a Drunkard*. Online at <http://aahiohio-triarea.org/Articles/CONFESSIONS%20OF%20A%20DRUNKARD.pdf>.

разрушает читательские ожидания, вдруг заявляя, что главный герой его произведения не имел никаких проблем с алкоголем. Вместе с тем, поскольку отрицание зависимости – обычная черта алкоголиков, Лондон иронически замещает канонический образ рассказчика – бывшего пьяницы, победившего свой порок, фигурой алкоголика, не признающего своей «проблемы», а, следовательно, так и не вставшего на путь исправления. Эту амбивалентность отмечает и Дж. Сазерленд в своем предисловии к повести: обращая внимание на то, что Лондоном были созданы не «Воспоминания алкоголика» (“Memoirs of an Alcoholic”), но «Алкогольные воспоминания» (“Alcoholic Memoirs”), он задается вопросом, действительно ли Лондон приручил этого «демона» или же мы имеем дело с известным синдромом отрицания зависимости?

Еще один общий топос, присутствующий во всех трех произведениях, – персонаж-искуситель, который знакомит рассказчика с алкоголем. Подробней всего эта демоническая фигура описана у Уитмена: молодой человек по имени Колби берет юного Эванса, только что приехавшего в большой город, под свою опеку и приводит его в бар, что оказывается для героя фатальным. В финале повествования Колби жестоко наказан, что еще более усиливает мелодраматизм и дидактическую направленность произведения. У Лэма нет описаний какого-то конкретного персонажа, имеющего аналогичное амплуа. Он говорит о дурном влиянии компании (это скорее коллективный персонаж-искуситель) и о желании рассказчика казаться веселым и остроумным; оба этих фактора оказываются ключевыми в возникновении алкогольной зависимости. У Лондона фигура персонажа-искусителя как бы раздваивается. С одной стороны, в тексте повести присутствует описание демонического итальянца, который насильно напоил рассказчика вином, когда тот был совсем ребенком. А с другой стороны, вся риторика повести держится на описании отношений между рассказчиком и Джоном Ячменное Зерно, который одновременно является и аллегорией алкоголя, и роковой демонической фигурой искусителя, и, что особенно парадоксально, другом рассказчика.

Также во всех трех произведениях присутствует одна и та же, очень распространенная в дискурсе Движения за трезвость, метафора пути. Жизнь человека, начавшего невоздержанно употреблять алкоголь, уподобляется дороге, ведущей в пропасть. Оказавшись на дне этой пропасти, человек приходит к полной деградации. Как правило, прибегая к метафоре пути, автор всегда подчеркивает неосознанность, с которой юный герой слепо делает первый шаг к падению. Также можно отметить, что данная метафора перекликается с одним из образов, устойчиво

бытовавшим на агитационных плакатах Движения за трезвость, а именно с изображением ступеней деградации алкоголика.

Лондон в своем произведении решает отказаться от отсылок к библейскому тексту, которые воспринимаются уже как устаревшие, чего нельзя сказать о временах Уитмена. Уитмен довольно активно использует этот прием. Так, например, когда Франклин Эванс рассказывает о том, что из-за его пагубной привычки в его семье начались неприятности, он пользуется штампом, содержащим отсылку к библейскому образу: «... спустя год после нашей свадьбы, змей пробрался в наш маленький Эдем»⁴¹. Также в качестве эпиграфа к 7 главе Уитмен выбирает фрагмент из Притчей Соломоновых: «Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид»⁴². Более того, Уитмен играет с этим эпиграфом, позднее разворачивая его в целый эпизод: герой соблазняется видом бутылок, стоящих на стойке бара, и уступает напору демона невоздержанности: «Мой взгляд был пленен искушающим видом бутылок с напитками, расставленных на стойке бара. Какой беспокойный демон ввел меня в искушение зайти внутрь и начать пить?»⁴³.

В романе Уитмена, как и в повести Лондона, присутствуют образы, олицетворяющие алкоголь и его пагубное воздействие на человека. Но если в тексте Уитмена «демон невоздержанности» – это, скорее, фигура речи, то в повести Лондона аллегорические персонажи (Джон Ячменное Зерно и Белая Логика) становятся полноценными героями произведения.

В тексте «Франклина Эванса» можно встретить и другие классические трезвеннические топосы, например: вслед за алкоголем сразу же приходят насилие и преступление; алкоголизм может быть спровоцирован определенными обычаями, принятыми в обществе. Здесь стоит отметить, что мотив «общественного давления» присутствует и у Лондона, и у Уитмена, но выглядит немного по-разному. У Уитмена иллюстрацией служит вставная новелла об учителе, который в пору страды всегда приходил в поле помогать своему брату-крестьянину. Однажды кто-то заметил, что тот не соблюдает крестьянского обычая выпить в поле по окончании работ. Затем дается описание медленного падения учителя, начавшегося с понятного желания следовать обще-

---

⁴¹ Whitman, W. *Franklin Evans*: 104.

⁴² Притч. 23: 31, 32.

⁴³ Whitman, W. *Franklin Evans*: 133.

принятому обычаю и соответствовать ожиданиям. В «Джоне Ячменное Зерно» речь идет о мужской традиции угощения товарищей, напрямую связанной с репутацией мужчины в кампании.

Произведения Уитмена и Лондона объединяет также и наличие двойственного отношения рассказчика к алкоголю. Однако у Уитмена нет идеализации алкогольного опьянения, хотя из определенных фрагментов романа видно, что сам процесс употребления алкоголя для рассказчика напрямую связан с удовольствием и положительными эмоциями: «Мы присели на два ближайших свободных места и заказали напитки. Каким все казалось удивительным! Эти прекрасные женщины, журчащие мелодии, слаще которых я до сих пор не слышал, и эффект, который напиток оказывал на мой мозг, погружая меня в состояние чистейшего счастья с головы до пят...»⁴⁴. «Франклина Эванса» причисляют к «сенсационной» разновидности трезвеннической литературы, но несмотря на иронический тон повествования и обилие нарочито мрачных и даже кровавых эпизодов, основной тезис о вреде алкоголя и призыв к воздержанию подаются вполне искренне и серьезно: произведение было заказано Уитмену сторонниками Вашингтонского движения, и должно было носить пропагандистский характер.

В «Джоне Ячменное Зерно» амбивалентность в оценке алкоголя проявляется намного сильнее, чем в тексте «Франклина Эванса», местами практически заглушая конвенциональные идеологические элементы. Применительно к отдельным фрагментам повести можно говорить даже об апологии алкоголя. Это, пожалуй, является самым ярким отличием повести Джека Лондона от трезвеннического литературного канона. В повести Лондона говорится о волшебных свойствах алкоголя, раздвигающего пространство и время, возвышающего человека до уровня богов, распахивающего горизонты воображения и фантазии. Джон Ячменное Зерно приводит новичка в компанию – и делает его своим; он превращает врага в друга. Джон Ячменное Зерно – верный спутник во всех приключениях, он придает им романтику и очарование. Так, образ Джона Ячменное Зерно приобретает романтические черты и амбивалентность, порой перетекающую в мотив двойничества. Джон представляется то демонической зловещей аллегорией алкоголя, то верным другом, ангелическим спутником повествователя, дарующим новые знания, открытия, вдохновение.

Трудно представить себе подобные амбивалентные оценки в литературной продукции или «наглядной агитации» Движения за трез-

---

⁴⁴ Ibid.: 58.

вость, где однозначно утверждались разрушительность и аморальность алкоголя: «За много лет общения с Ячменным Зерном я привык к нему, стал искать его везде, где только собирались мужчины, и восхвалял как друга и благодетеля. И вместе с тем презирал и ненавидел его. Да, странный он друг, этот Джон Ячменное Зерно!» (31).

Новаторские черты в повести Лондона связаны с обновлением в духе времени традиционного арсенала аргументов и риторики. Хотя, следуя традиции Движения за трезвость, Лондон исповедален и часто пользуется библейским жанром – притчей, как эффективным способом убеждения, он все же отходит от прямых аллюзий на Библию, не эксплуатирует религиозные образы. Отсутствие в повести религиозных аргументов замещается новыми, современными доводами. Джек Лондон использует теорию Дарвина и соответствующую терминологию, называя Джона Ячменное Зерно позорнейшим из атавизмов, сохранившихся в современном обществе: «Мои ночные бдения, книги, которые я прочел, мудрость, которую усвоил, – все было вмиг забыто и подавлено чудовищной властью атавизма: во мне словно проснулась жадная обезьяна, поднял голову хищный тигр, и они подсказывали одно лишь низменное, скотское желание – перещеголять других скотов!» (126).

Главный атавизм современной эпохи, роднящий ее с «темными веками», – отсутствие законодательного запрета для Джона Ячменное Зерно. Мотивы варварства и отсталости на протяжении всей повести используются для описания современного Лондону общества, которое он прямо называет «варварской цивилизацией». Рассказчик выражает надежду, что когда наступит время прогрессивной цивилизации, обычай употребления алкоголя, салуны признают столь же атавистическими и отсталыми, как и прочие приметы «темного средневековья»: «Юноши будут узнавать из исторических книг, что когда-то в прошлом люди ходили в кабаки, и это покажется им таким же диким обычаем, как бой быков и сожжение ведьм» (166).

Итак, у Лондона на смену религиозно-нравственной аргументации приходит аргументация, основанная на дарвинизме, идее прогресса, на вере в науку. В этом отношении, пожалуй, самым оригинальным и впечатляющим образом повести является Белая Логика.

Белая Логика приходит к рассказчику и ведет с ним беседу, задает герою вопросы, ответы на которые должны привести его к мысли о самоубийстве. Цель Белой Логике в том, чтобы отнять у человека «жизненно необходимую ложь» (“vital lies”), которой он, как щитом, закрывается от страха смерти, от страха погрузиться в первобытную

ночь. Человек, лишенный «жизненно необходимой лжи», теряет мотивацию существования и проваливается в пропасть.

Белая Логика у Джека Лондона – весьма начитанный персонаж. В своих беседах с рассказчиком она упоминает имя философа Уильяма Джеймса. Сама фраза «жизненно необходимая ложь» взята Лондоном из заглавия книги Вайолета Паже (писательский псевдоним – Вернон Ли) «Жизненно необходимая ложь. Изучение некоторых разновидностей обскурантизма» (*Vital Lies. Studies of some varieties of recent obscurantism*, 1912). Эту книгу, отталкивающуюся от философских идей Уильяма Джеймса, Джек Лондон читал непосредственно перед написанием «Джона Ячменное Зерно».

Диалог между рассказчиком и Белой Логикой является чем-то вроде художественного литературного воплощения полемики «здравомыслящей натуры» (“healthy minded temperament”) и «больной души» (“sick soul”). Эти термины были введены и описаны Уильямом Джемсом в его работе «Многообразие религиозного опыта» (*The Varieties of Religious Experience*, 1902). Реплики Белой Логикой воплощают проявления «больной души», а реплики рассказчика – голос «здравомыслящей натуры». Белая Логика тоже использует дарвинистские мотивы в своей разрушительной аргументации; она рисует рассказчику образ человека, который случайно возвысился над остальными животными благодаря некоторому налету добродетели и большому пальцу, противопоставленному остальной фаланге: «...этот твой земной брат (человек) – злая шутка природы, химический фокус, одетый в платье зверь, сумевший возвыситься над остальным звериным миром по той счастливой случайности, что задние лапы у него оказались более устойчивы. Он брат не только тебе, но и горилле и шимпанзе. В гневе он колотит себя в грудь, дрожит и рычит в безудержной ярости. Им управляют звериные побуждения, он весь состоит из обрывков неосознанных древних инстинктов» (157).

Таким образом, снимая завесу с абсурда бытия, Белая Логика пользуется теми же аргументами, что и сам Лондон, проповедующий полный законодательный запрет на алкоголь. Рассказчик называет общество варварским из-за отсутствия закона против Джона Ячменное Зерно, а Белая Логика постулирует невозможность перспективы развития для человечества, погрязшего в собственных страстях и темных инстинктах. Автор как бы противоречит сам себе, ведет сложную игру с вниманием читателя, используя разные голоса героев. Эта «идеологическая полифония» показывает, что замысел повести гораздо глубже многих классических произведений литературы Движения

за трезвость; было бы ошибкой воспринимать ее исключительно как трезвенническое пропагандистское произведение.

Джек Лондон насыщает повесть аллюзиями к художественной прозе и поэзии. Ипостасями Белой Логике у Лондона являются Смерть, Курносая, Бесконечная ночь. Герой так обращается к Белой Логике: «Я вижу тебя насквозь, я не боюсь тебя! Под маской гедонизма ты все та же. Ты смерть, ты уводишь во мрак вечной ночи!» (163). Эта связь показана также через цитату из стихотворения Джеймса Томсона «Город страшной ночи», которая приводится в тексте повести:

Джон Ячменное Зерно не хочет, чтобы мечтатель грезил, что-бы живущий жил. Он разит живых и превращает в ничто парадокс бытия, пока его жертва не возопит, как в «Городе страшной ночи»: «Наша жизнь – обман, наша смерть – темная бездна». И тот, кого Джон Ячменное Зерно избрал своей жертвой, вступает на дорогу смерти» (153).

В стихотворении Томсона приводится беседа с аллегорическим персонажем, истина рождается в ходе диалога, «прения сторон»:

Вот сломленного речь: «В пыли земной
Напечатлею о скорбях души.
Зачем же к привиденьям тьмы ночной
Взывать, чтоб встали в солнечной тиши?
И вере подниматься из могилы?
Ломать отчаянья сургуч застылый
И кликать посреди людской глуши?

Затем, что хладный гнев по временам
Срамную открывает наготу
Отжившей правды, обнажая нам
Всех грез, фантазий, масок пустоту;
Затем, что власть известная таится
В том простодушья нашем, что стремится
Облечь все беды в слов неполноту.

(пер. В. Вотрина).

Заглавный персонаж повести Джон Ячменное Зерно также взят Лондоном из поэтической традиции: этот образ впервые появляется

в литературе в балладе Роберта Бернса «Джон Ячменное Зерно» (*John Barleycorn*, 1782), где является аллегорией алкоголя. Баллада Бернса, образно описывающая производство шотландского виски из ячменя, сложена как хвалебный гимн Ячменному Зерну; видимо, поэтому Джек Лондон выбрал именно этот образ, так как в его повести присутствуют не только обвинения в адрес Джона, но и его апология. Если рассматривать образ Джона Ячменное Зерно у Бернса, то мы увидим благородного героя, с честью переживающего все испытания, выпадающие на его долю:

...И было решено,
 Что навсегда погибнет Джон
 Ячменное Зерно
 Велели выкопать сохой
 Могилу короли,
 Чтоб славный Джон, боец лихой,
 Не вышел из земли.
 Травой покрылся горный склон,
 В ручьях воды полно,
 А из земли выходит Джон
 Ячменное Зерно.
 Все так же буен и упрям,
 С пригорка в летний зной
 Грозит он копьями врагам,
 Качая головой [...]
 Он был в колодец погружен,
 На сумрачное дно.
 Но и в воде не тонет Джон
 Ячменное Зерно!
 Бушует кровь его в котле,
 Под обручем бурлит,
 Вскипает в кружках на столе
 И души веселит.

(Пер. С. Я. Маршака)

К балладе Бернса восходит также связь Джона Ячменное Зерно с идеей мужественности, отваги: где бы ни собирались молодые, сильные, жаждущие приключений, Джон Ячменное Зерно будет присутствовать в их шумной компании: «Эти двое – мужчины, видать по тому, как они пьют. Кто умеет пить, тот мужчина» (26). У Роберта Бернса

доблесть Джона Ячменное Зерно не умирает вместе с его телом, его кровь будит веселье и мужество во всех, кто ее пьет:

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец,—
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поёт.

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно.

(пер. С.Я. Маршака)

Повесть Лондона отличается жанровым синкретизмом, соединяя черты романа, автобиографии и пропагандистского трактата; она вобрала в себя топоры трезвеннического дискурса, насыщена аллюзиями к художественной литературе и к естественнонаучным текстам. При встраивании повести Лондона в трезвеннический контекст все же не стоит преувеличивать элемент заимствования. Лондон модернизирует трезвенническую риторику и аргументацию, использует богатый арсенал художественных образов и приемов, оперирует идеями, пришедшими из философии, психологии, социологии. Эти черты вкупе с амбивалентностью образа заглавного персонажа, соседством апологии Джона Ячменное Зерно и филиппик в его адрес, отсутствием прямой дидактики, неоднозначностью ценностных и нравственных оценок выводят повесть Лондона за рамки канона трезвеннической литературы, возвышая ее над уровнем конвенциональной литературной продукции Движения за трезвость. Если прибегнуть к флористической метафоре, трезвенническую традицию можно сравнить с «литературным подлеском», давшим пищу и энергию произведению Лондона, которое, подобно секвойе, возвышается над остальными растениями. Повесть «Джон Ячменное Зерно» демонстрирует, как в ходе работы писателя с системой общих мест (устойчивый набор персонажей и сюжетных

элементов, жанровые конвенции, риторические формулы, систем аргументации и т.д.), происходит обновление и трансформация топика, возникает уникальное, сложное, самобытное авторское произведение, форма и содержание которого несводимы к прагматике пропагандистского трезвеннического канона.

Литература

Лондон Дж. Джон Ячменное Зерно / Пер. с англ. В. Лимановской // Лондон Дж. Собр. соч.: В 14 т. Т.11. М.: Правда, 1961.

Стоун И. Моряк в седле. М: Книга, 1987.

Crowley, J.W. *The White Logic: Alcoholism and Gender in American Modernist Fiction*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1994.

Lamb, C. *Confessions of a Drunkard*. Online at <http://aaohio-triarea.org/Articles/CONFESSIONS%20OF%20A%20DRUNKARD.pdf>.

London, C.K. *The Book of Jack London*. New York: Century Co., 1921.

London, J. *John Barleycorn*. New York: Century, 1913.

London, J. *Jack London and His Times: An Unconventional Biography*. New York: Doubleday, Doran & Co, 1939.

Lulloff, W. *Franklin Evans; or The Inebriate*. Online at http://www.whitmanarchive.org/criticism/current/encyclopedia/entry_81.html.

O'Reilly, E. *Sobering Tales: Narratives of Alcoholism and Recovery*. Amherst, MA: Massachusetts University Press, 1997.

Serpent in the Cup: Temperance in American Literature, eds. D. Reynolds, D. Rosenthal. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1997.

Sutherland, J. "Introduction." London, J. *John Barleycorn: Alcoholic Memoirs*. Oxford: Oxford University Press, 1989: 7-35.

Yannella, P. *American Literature in Context 1865 to 1929*. Chichester; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011

Whitman, W. *Franklin Evans or the Inebriate. A Tale of the Times*. New York: Doubleday, 1921.

References

Crowley, J.W. *The White Logic: Alcoholism and Gender in American Modernist Fiction*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1994.

Lamb, C. *Confessions of a Drunkard*. Online at <http://aaohio-triarea.org/Articles/CONFESSIONS%20OF%20A%20DRUNKARD.pdf>.

London, C.K. *The Book of Jack London*. New York: Century Co., 1921.

London, J. *John Barleycorn*. New York: Century, 1913.

London, J. "John Yachmennot Zerno" ["John Barleycorn."], transl V. Limanovskaya. In London, J. *Sobranie sochineny* [Collected Works]: in 14 vols. Vol. 11. Moscow: Pravda Publ., 1961. (In Russ.)

London, J. *Jack London and His Times: An Unconventional Biography*. New York: Doubleday, Doran & Co, 1939.

Lulloff, W. *Franklin Evans; or The Inebriate*. Online at http://www.whitmanarchive.org/criticism/current/encyclopedia/entry_81.html.

O'Reilly, E. *Sobering Tales: Narratives of Alcoholism and Recovery*. Amherst, MA: Massachusetts University Press, 1997.

Serpent in the Cup: Temperance in American Literature, eds. D. Reynolds, D. Rosenthal. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1997.

Stone, I. *Moriak v sedle* [A Sailor on Horseback] Moscow: Kniga Publ., 1984. (In Russ.)

Sutherland, J. "Introduction." London, J. *John Barleycorn: Alcoholic Memoirs*. Oxford: Oxford University Press, 1989: 7-35.

Yannella, P. *American Literature in Context 1865 to 1929*. Chichester; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011

Whitman, W. *Franklin Evans or the Inebriate. A Tale of the Times*. New York: Doubleday, 1921.